

На экранах появилось число 120, которое начало уменьшаться с каждой секундой.

Но никто из слушателей не услышал в своих наушниках ничего.

Это была мертвая тишина.

До тех пор, пока вдруг не раздался вздох, сделанный уставшим голосом, в котором слышался оттенок нетерпения.

- Ха...

Это был слабый и вялый вздох, но, поскольку в микрофоне звучал только он, слышен он был особенно отчетливо.

Те, у кого были более качественные наушники, могли даже ощутить, как это дыхание заползает в уши, медленно прокрадываясь все глубже.

- Мы и впрямь не понимаем... - эта реплика прозвучала так, будто говорящий только что вышел из состояния протрации, его голос был немного охрипшим - и словно можно было увидеть взъерошенного человека, лениво развалившегося на троне Дракона.

В следующий момент человек на троне Дракона, казалось, неохотно выпрямился. Он уже полностью пришел в себя, но его тон стал еще более раздраженным:

- Страна процветает, люди живут в мире, а погода благоприятствует обильному урожаю - почему мятежники все еще устраивают смуту? - его тон становился выше и выше с каждым словом, словно тупой бамбук, который заточили и яростно вонзали в землю. Он сердито спросил:

- Они хотят чинить неудобство Нам или всем жителям этой страны?

Задав эти два яростных вопроса, он, казалось, исчерпал все свои силы и некоторое время пыхтел и сопел, пока в конце концов полностью не успокоился.

Голос Ци Цзина звучал довольно молодо, и даже после того, как он стал чуть более хриплым, он скорее производил впечатление человека в возрасте около тридцати лет. Но голос звучал и еще немного старомодно, как у переутомленного работой мужчины средних лет, что создавало впечатление, будто бы его здоровье было далеко не самым лучшим.

- Вы все, просто послушайте... - он читал содержание меморандума, переводя дыхание. - «Правительственное здание столицы провинции Тунчжоу было сожжено бунтовщиками, что привело к сотням жертв среди солдат. Правительственные войска отступили в удаленный

город Яо. Казна провинции была разграблена, общий ущерб составил двенадцать тысяч семьсот таэлей; зернохранилища были вскрыты, невежественные деревенские жители ворвались туда и растащили все запасы, не оставив ни зерна риса»?

Его голос дрожал от ярости, и чем дальше он читал, тем темп чтения становился быстрее, но он не забыл о том, что нужно верно произнести «город Яо» – место, где ошиблось множество предыдущих участников.

Телевизионные репортеры гораздо лучше справлялись со стандартным путунхуа, чем средний китаец, а Ци Цзин ведь получил оценку 1-А во время квалификационного экзамена на знание языка, так что это было его сильной стороной. Непонятные слова, иероглифы с неясным произношением, древние и классические тексты – все это не представляло для него особой трудности.

Когда он закончил читать, из горла вырвался грубый вздох, и он выругался:

- Мятеж... Это явный мятеж! Мятеж!

И это отличалось от вспышки ярости Дяди Бабаха.

Эта ярость была невротической, и звучала слегка развинченно, сумасшедше. Через мгновение он, казалось, что-то вспомнил и начал нервозно кричать:

- Хоу Шуньян... Хоу Шуньян... Хоу Шуньян! – этот человек, вероятно, ответил ему уже много раз, но он все равно звал и звал, как будто бы то, что он часто называл это имя, его успокаивало.

- Возьми двести солдат и немедленно отправляйся подавлять бунт в Тунчжоу! – после того, как он отдал приказ, его императорская манера внезапно исчезла, и он пробормотал умоляюще, словно цеплялся за последнюю надежду. – Ты один из наших самых доверенных генералов – ты ведь должен хорошо с этим справиться?

[Император Чан] из оригинального романа был человеком, крайне неуверенным в себе, – а если говорить современным языком, у него было что-то вроде «мании преследования». Тяжесть симптомов зависела от того, пребывал ли он в ясном сознании, или находился под действием наркотиков; степень выраженности признаков болезни тоже различалась.

Диалог во время утреннего заседания двора произошел, когда восстания только-только начали подниматься в разных провинциях, а нападение на правительственное здание Тунчжоу стало промежуточной кульминацией истории. В то время [Император Чан] еще не выяснил, что [Хоу Шуньян] был его сводным братом по отцу, рожденным от другой матери. Император знал лишь то, что хотя [Хоу Шуньян] и держал в руках военную силу, он не был похож на тех, кто пользуется всевозможными оправданиями, лишь бы не действовать без какой-либо выгоды для себя – он походил на спасительный обломок дерева среди свирепой бури и вздымающихся волн.

Слушатель 6: Пока я слушала, я читала реплики и была так тронута... Только внезапно осознала, что много раз позвать [Хоу Шуньяна] – то, что придумал сам №16 – появляется единственный раз в оригинальном тексте! Ха-ха, это было удивительное решение! Я смогла полностью почувствовать этот образ мысли – «Ты единственный, на кого я могу положиться»... Воу-у-у-у!!! После всех этих разговоров вообще-то я тоже начала шипперить двух братьев и младшего сверху... (прикрывает лицо)

Пока чат для публики все еще гудел комментариями, Ци Цзин вдруг холодно прорычал:

- Какая наглость!

В конце концов император есть император, и сцена вспышки императорской ярости тут была необходима.

Экспрессия его игры была не так уж и плоха, но, к сожалению, он родился с довольно чистым голосом, а глубина голоса актера могла бы усилить впечатление, вызванное темпераментной игрой.

Но Ци Цзин собирался подчеркнуть свои сильные стороны и скрыть недостатки. Он использовал свой чистый голос, чтобы передать пронзительный и раздражающий тон [Императора Чана] во время ухода, и привлек внимание слушателей к «болезненному состоянию» персонажа, вместо того чтобы просто кричать. Закончив, он дважды слегка кашлянул, чтобы это выглядело еще более реалистично.

- Наши земли – ... Принадлежат Нам, – он произносил это, прерывая реплики кашлем.

Согласно описаниям из оригинального романа, как раз в это время симптомы наркотической зависимости у [Императора Чана] становились все очевидней. Голос Ци Цзина тоже начал меняться от резкого к приглушенному, когда он пробормотал, будто про себя:

- А что до того, кто из наших сыновей станет наследным принцем... – Это решать Нам!

Внезапно у Ци Цзина мелькнула мысль о том, что он неосознанно подражал своему отцу, когда тот впадал в пьяную ярость.

То же спутанное сознание.

Тот же дискомфорт.

Та же агрессия.

Его мог разозлить кто угодно – все его раздражали, и даже его возлюбленная супруга – какой бы милой и прекрасной женщиной она не была, в тот момент, когда она упомянула что-то, что он не хотел слышать, это только разожгло бы жесткое стремление раздавить ее – этот прекрасный цветок.

В прошлом, когда отец Ци Цзина слишком сильно напивался, их дом переполняли крики и вопли, и отец даже пытался ударить его мать.

Всякий раз, когда это происходило, он и его младший брат отчаянно вцеплялись в отца с обеих сторон, чтобы сестра вместе с матерью смогли убежать и спрятаться за дверь и переждать там, пока пьяная ярость отца не пройдет... С того времени слишком много лет не прошло – по крайней мере, это случалось и перед тем, как он поступил в университет, но все подробности все еще были живы в его памяти.

Странно. Слишком странно.

Было ли это из-за такого сходства... В его памяти на самом деле всплыли какие-то незначительные детали из прошлого, из-за чего он почти выпал из роли. В этот момент Ци Цзин немного отвлекся, но затем покачал головой и продолжил играть, произнося следующие реплики.

- Без поддержки семьи Янь Мы вовсе не ничто... – но это было именно так, и именно понимание этого вызывало у него негодование и огорчение. – Мы – император... Император!

Дядя Бабах невероятно хорошо передавал ярость, но делал это однообразно.

Если изображать ярость всегда одинаково, игра покажется недоработанной.

В предыдущей сцене Ци Цзин добавил в роль немного безумия, но в этой сцене к безумию добавилось и страдание. Такое придает «ярости» в двух сценах разное звучание, и отличает их друг от друга.

Затем была ремарка о движении, по которой надо было разбить вазу и упасть на пол.

Именно здесь понимание Ци Цзина и понимание Дяди Бабаха разошлись больше всего – Дядя Бабах подумал, что персонаж сам толкнул вазу с цветами в порыве гнева, а затем споткнулся по неосторожности и упал. Ци Цзин, напротив, воспринял происходящее как результат того, что действие наркотика стало слишком сильным – персонаж не смог удержать равновесие и опрокинул вазу перед тем, как упал на пол.

На эту мысль его натолкнул документальный фильм о реабилитации наркозависимых, который он принес домой с работы. Перед началом конкурса он провел исследование и изучал эти записи, просмотрев их несколько раз. Он заметил, что во время приступов многие из тех

наркоманов начинали раскачиваться взад-вперед, их руки и ноги подергивались, а движения не поддавались контролю рассудка. Если [Император Чан] в то время еще мог швырнуть вазу с цветами, то симптомы его болезни не должны были быть слишком очевидны, а значит, не могли привести к падению.

А это противоречило бы его описанию из оригинального романа: «Болезнь Императора Чана развивалась быстро, он сошел с ума, и его личность разрушилась».

Другой деталью, о которой бы не задумался человек, не читавший роман, была роль персонажа, которому [Император Чан] противостоял в этой сцене.

Фамилия [Супруги Шу] была Янь – и она как раз была старшей дочерью «семьи Янь», упоминавшейся в предыдущей реплике.

Из-за того, что [Император Чан] боялся ее отца, он обычно позволял ей делать все, что она хотела, и продолжал слепо любить ее, всегда обращаясь с ней как с символом семьи Янь. В оригинальном романе упоминалось, что после того, как [Император Чан] упал, [Супруга Шу] поспешила помочь ему подняться, но галлюцинации, вызванные наркотиком в пилюлях бессмертия, придали супруге в его восприятии вид демона – и это было отражение страха и ненависти, которое император испытывал к семье Янь.

- Угх...

Внезапно Ци Цзин начал судорожно, хныкая, хватать воздух, словно находился во сне, его голос даже окрасился всхлипывающим тоном – это было очень похоже на то, как люди, которые находятся на пике обострения наркомании, страдают от эмоционального срыва.

Ненавидя робко, трусливо...

- Мы... без сомнения монарх этой страны, Земной Правитель под Небесами, так почему... – он бормотал, перемежая речь быстрыми вдохами. – Почему, почему Мы должны слушать других, рассматривая эти вопросы?

Затем Ци Цзин внезапно рассмеялся. Этот сбивчивый смех поднимался из самой глубины горла, от него волосы слушателей вставали дыбом.

- Хе... хе-хе-хе...

Он вполне мог пустить осторожность по ветру, только кто же тут кого боится?

- Нам все равно! Все равно! – только под действием наркотика он осмелился произнести такие слова, только так осмелился пойти против могущественного министра, набрался храбрости повести себя как настоящий, подлинный император. Хоть он и лгал только себе, в этот момент

тон персонажа не должен был быть отягощен никакими тревогами. – Нам безразлично, что скажет Наш тесть. Нам абсолютно наплевать!

После того, как реплика закончилась, Ци Цзин на мгновение замолчал, а затем снова глубоко вздохнул, как и в начале первой сцены. Но на этот раз, в противоположность предыдущему, этот вздох был вздохом освобождения:

- Нам все равно...

Этот повтор Ци Цзин симпровизировал. Не меняя содержания реплик, он иногда повторял, а иногда сокращал повторы во фразах, создавая финальный эффект таким, каким он его видел.

Если бы это соревнование проходило не онлайн, а в реале, на какой-нибудь площадке, то в этот момент там было бы настолько тихо, что можно было бы расслышать, как падает булавка.

Потому что все слушатели застыли.

Единственный человек, который двигался, был человеком у микрофона, но он выражал движение не только своим голосом, но и всей картиной, которая стояла за этим голосом.

Но, прежде чем все успели выбраться из этой картины, декорации и обстановка уже изменились.

Сгущалась мрачная атмосфера.

Только что раздавшийся радостный вздох сменился тяжелым паническим дыханием загнанного в угол человека. Но фирменное безумие [Императора Чана] все еще можно было услышать в его репликах. Хотя сам человек остановился, его задыхающийся голос звучать не прекратил:

- Ты... ты здесь, чтобы убить Нас, не так ли?

В начале реплики еще теплились оптимизм и надежда на то, что другой человек ответит «нет», но позже, увидев знак, говорящий быстро потерял всяческую надежду и потонул в отчаянии. Однако это, в свою очередь, вернуло ему бесстрашие.

- Хе-хе, эта штука в твоей руке – разве это не тот знак, который вы, бунтовщики, называете «Приказом покончить с Небесами»?

Теперь он не только утратил страх, но и впал в безрассудную ярость, словно после того, как угасла его последняя надежда, ему стало все равно.

- Каждый из вас - бунтовщик, каждый толкает Нас к этому пределу! - внезапно прорычал он. Так как ум персонажа прояснился, этот рык зазвучал намного сильнее, его речь стала ясной и сильной. - «Покончить с Небесами»?! Ха... Ха-ха-ха! Разве с Небесами может покончить кто угодно? То, что вы делаете, это не уничтожение Небес, это бунт против их воли!

Его тело было уже в очень плохом состоянии, так что после стольких проклятий ему уже не хватало дыхания для следующих слов, после крика он мог только тяжело дышать.

Для него, прямого наследника императорской крови, проиграть своему незаконнорожденному младшему брату было невыносимо. А ведь он верил ему безоговорочно - как он мог просто так умереть?

- Хе, хе-хе... - он дважды жутко рассмеялся, его голос пробирал холодом до костей.

- Мы знаем... Вы, мятежники... Хотите сделать этого [Хоу Шуньяна] императором. Но этот [Хоу Шуньян], хе-хе... - когда он это произнес, его лицо внезапно застыло, и он злобно закричал. - [Хоу Шуньян] - всего лишь грязный ублюдок, порожденный предыдущим императором! Это Мы были названы предыдущим императором... Мы были названы единственным наследным принцем!

В это время число секунд на счетчике времени достигло цифры «5». Ци Цзин быстро сделал глубокий вдох, развеяв всю атмосферу сцены, и четким голосом произнес фразу, опустившую занавес:

- Конец. Спасибо всем.

Не дожидаясь действий ведущей, он самостоятельно ушел из последовательности микрофонов.

Индикатор его активности сразу окрасился в серый цвет.

Слушатель 1: ...Э?

Слушатель 2: ...Э? Оно закончилось?

Слушатель 3: И это так ты выступление закончил?? А как же обещанная любовь между [Императором Чаном] и [Хоу Шуньяном]!!! Не было тут такого обещания??

Слушатель 4: Придунок, я так увлекся, а ты уже закончил вот так?! Это чувство, когда я снимаю штаны, а удовлетворения не получаю, - оно меня с ума сводит??

<http://bllate.org/book/13906/1225621>